

Словарь служебных единиц русского языка (принципы построения)

Майя В. Ляпон

Языковая картина мира не может быть нейтральным слепком с действительности, — она предполагает вторжение человеческого начала и, как любая картина, — авторское посредничество. В толковом словаре — если он продукт лексикографического творчества — реальный мир предстает преобразованным дважды. Во-первых, потому, что лексикон национального языка еще до того, как к нему прикоснулась рука лексикографа, дает отпечаток действительности, уже окрашенный коллективно-языковым видением. Во-вторых, потому, что автор словаря утверждает свои принципы осмысления языковой картины мира, свою лингвистическую концепцию, свою версию лексической системы и, таким образом, выступает и как посредник между миром и потребителем словаря, и как посредник между языком и потребителем словаря.

В лексиконе человека особое место занимают такие единицы, с помощью которых язык осуществляет одну из фундаментальных своих функций — функцию связывания, соотнесения фрагментов картины мира. В процессе текстообразования служебные средства языка фактически выполняют синхронно 3 функции: 1) связывают фрагменты языковой картины мира, 2) квалифицируют отношения между ними; 3) несут отпечаток рефлексии, выражая субъективную реакцию на это отношение.

Обладая достаточно сильным смысловым потенциалом и лексической индивидуальностью, эти единицы представляют собой полноправный, полноценный и достаточно сложный объект для лексикографического осмысления.

Речь идет о словаре, главным «героем» которого являются союзы в собственном смысле слова (идеальные представители грамматического класса союзов) и их функциональные аналоги, т. е. соединители, оформляющие связи и отношения в рамках предложения и на суперсинтаксическом уровне — в сфере текста. Оптимальный способ лексикографического представления таких единиц языка — специальный словарь, являющийся результатом специальных разысканий и призванный адекватно отразить реальный фонд соединителей, коммуникативную специфику их разновидности и смысловой потенциал каждой реляционной единицы. Концепция словаря опирается на версию реляционной единицы как средства прагматической адаптации высказывания¹.

На этапе, предшествующем построению словарной статьи, разрабатывается программа-анкета, включающая наибольшее число позиций, совокупность которых дает разноаспектную характеристику функционального потенциала каждой интерпретируемой единицы: принцип максимализма дает возможность для последующей коррекции толкования, введения новой информации, предусматривает и стимулирует поиск таких характеристик, которые являются функционально значимыми, но при лексикографической обработке служебных единиц во внимание не принимаются. В результате

систематизации анкетных данных информация о каждой словарной единице распределяется шестью зонами:

- зона I: определение формального облика единицы («заглавное слово»);
- зона II: характеристика основных синтаксических функций;
- зона III: толкование, обогащенное прагматической информацией;
- зона IV: характеристика синтагматического потенциала; основания для выделения этой зоны — коммуникативная значимость конкретизаторов (корректирующих слов), которые регулярно «притягиваются» элементарными соединителями. В рамках той же зоны дается информация о двухместных союзах, об идиоматизированных риторических формулах и фразео-схемах, формирующихся на базе элементарных соединителей;
- зона V: функциональные модификации;
- зона VI: стилистическая характеристика.

Содержание каждой из перечисленных зон требует специального развернутого обсуждения. Ниже будет прокомментирована «проблематика» тех зон, выделение которых продиктовано спецификой реляционного значения.

Отражение служебной сферы в словарях не удовлетворяет по разным причинам. Одна из них — стремление ограничить словник такими единицами, которые соответствуют представлению об идеальном (классическом) союзе, об идеальной частице, о чистом, классическом предлоге. Здесь, по-видимому, дезориентирует принцип внешней цельюоформленности: единицы, которые не соответствуют понятию лексемы в строгом смысле (не укладываются в границы слова), остаются вне словаря: это многочисленные служебные средства неэлементарной структуры, предложения, функционально эквивалентные слову, двухместные сцепления служебных единиц смешанной, гибридной природы, не имеющие однозначного категориально-морфологического статуса; все это объекты, не удобные для словарной обработки; в толковых словарях они теряются в зарембовой части словарной статьи.

Преданность принципу цельюоформленности мешает увидеть активные процессы в реляционной сфере языка — процессы дифференциации и смыслового обогащения базовых отношений («и-отношения», «но-отношения», «или-отношения»). Между тем, эти процессы сопровождаются формированием многочисленных аналогов союзов, частиц, предлогов, модальных слов и др. служебных средств. Так, например, относительно недавно был уточнен реальный фонд соединителей, обслуживающих сферу градационных отношений (*не только ... но и; даже не ... не то что; мало того ... еще и; тем более; более того; не говоря уже о ...; скажу больше; и так ... а тут еще; и без того ... а тут еще; не только не ... но, напротив;* группа соединителей, дифференцирующих «или-отношение»: *то есть; иначе; иначе говоря; иными словами; точнее; вернее; лучше сказать; скорее; не то чтобы ... но*) и др.

Осмысление функционального профиля этих средств позволило уточнить структуру градации, осознать различия между объектами и аспектами градуирования. Так, например, одна из сфер градации — градация истинности имеет место при распределении сообщаемого по принципу «более достовер-

ное — менее достоверное» (или наоборот). Предметом поиска здесь оказывается одна ситуация (истинное положение дел), а сообщаемое в первой и второй части есть не что иное как две приблизительные вербализации этого искомого, причем, одна из них — с завышением истинности, другая — с занижением: С этой симфонией происходит что-то странное: она *не то что не понравилась, но произвела некоторое недоумение* (П. И. Чайковский). Существенно, что первая версия не отменяется, для реализации коммуникативной программы обе версии «выносятся на обсуждение»: «Симфония не понравилась» — «Симфония произвела некоторое недоумение»; истина «расположена» где-то между двумя версиями (симфония вызвала некоторое недоумение, так что могло показаться, что она не понравилась).

Особый вид градационных отношений — градация адекватности языковой формы и содержания — представляет собой модификацию «или-отношения» (*то-есть; иначе; иначе говоря; иными словами; точнее; вернее; лучше сказать; или иначе сказать; точнее говоря; я бы сказал и т. п.*). Аналогичные процессы прагматической адаптации союза *или*, по-видимому, есть во всех языках: логическая альтернатива в естественном языке существует не в виде чистого взаимоисключения, а как бы приспособливается к наивному сознанию, предстает в более гибких формах, как идея выбора, отражает поисковую настроенность человеческого сознания.

Развернутые реляционные формулы — аналоги союзов — образуют своего рода микросреду, в условиях которой выявляется смысловая индивидуальность базовых соединителей *и, но, или* наиболее трудно интерпретируемых в силу своей полифункциональности.

Внимание к прагматическому компоненту значения реляционной единицы (зона III) — необходимое условие ее адекватного представления в словаре. В структуру словарной дефиниции таких реляционных формул, как например, *во всяком случае; достаточно сказать, что . . . ; в самом деле; посудите сами* должны быть включены сведения такого рода: *достаточно сказать что* (минимум убедительно аргументированной информации); *что делать* (мотивация-оправдание). Действительно, реляционная формула *что делать* выступает как аналог причинного союза, причем эта способность обусловлена прагматическим потенциалом этого речения: говорящий сообщает, что он отдает себе отчет в неизбежности происходящего или случившегося; это своего рода резонирующее или урезонивающее размышление, самопризыв смириться с реальным положением вещей: «И так пролетело это время быстро, незаметно, и настала разлука — *что делать*, нельзя много хорошего» (Н. Н. Ге). Ср. также: «День вчера был для меня прескверный. Я слишком значительно проигрался. *Что делать*, не с моими нервами, ангел мой, играть» (Ф. М. Достоевский — А. Г. Достоевской).

Функциональный принцип осмысления служебной сферы языка, внимание лексикографа к развернутым реляционным формулам делает более точным представление о способах вербализации картины связей и отношений.

В IV-ой зоне формулируются правила прагматической коррекции служебной единицы, ее ближайшее синтагматическое окружение. Например, набор конкретизаторов, регулярно подключаемых к причинному союзу, выявляет, с одной стороны, поисковую, рефлектирующую настроенность сознания, с другой стороны, — апелляцию к адресату; эти мотивы окра-

шивают прагматическую ауру каузальности (*исключительно потому, что; именно потому, что; возможно, потому, что; прежде всего потому, что; хотя бы потому, что; отчасти потому, что; якобы потому, что; вряд ли потому, что* и др.). Говорящий прогнозирует точку зрения адресата и стремится предотвратить неадекватную или нежелательную версию причины.

Синтагматика причинных союзов, богатая гамма сопровождающих их прагматических уточнителей показывает, что причинная связь осознается потребителем языка как выражение истины высшей инстанции; квалификация отношения между фрагментами картины мира как причины и следствия сопровождается ощущением ответственности, связанным с актом открытия. Есть основания усматривать в этом положении одну из языковых универсалий. Специфика национально-языкового оформления каузальности должна быть объектом пристального внимания при лексикографической обработке реляционной сферы любого языка. Структура IV-ой зоны словаря разрабатывается на основе изучения закономерностей корригирования служебной единицы.

Зона V дает информацию о функциональном потенциале служебной единицы. Для того, чтобы показать информативную значимость некоторых позиций, рассмотрим неординарные контексты двух типов: I. Контекст, иллюстрирующий употребление реляционной единицы в умноженном виде. II. Контекст, иллюстрирующий транспозицию реляционной единицы.

I. Умножение союза *только*: Но и он (Д. Илловайский) ей немало прощал, не только всю ее сущность, но и самое для него в ней существенное: ее юдоприверженность: постоянную и в России и за границей окруженность евреями, не объяснимую ни происхождением (полупольским) ни кругом (очень правым) — *только* Генрихом Гейне, *только* Рубинштейном, *только* ... ее женским вдохновением, *только* ее разумом, *только* ее совестью, — хотела сказать *только* ее христианством, но, вспомнив слово «несть ни эллин ни иудей», не могу, ибо для нее иудеи — были, и были — милее «эллинов», и обертонем всех этих *только* (всех не перечислишь!), лейтмотивом ее и моей жизни — толстовским «против течения!» — хотя бы собственной крови — и против стояния — всякой среды (стоячей воды) (М. Цветаева).

В контексте такого типа реляционная единица *только* выступает как аналог элементарного сочинительного союза, т. е. выполняет «техническую задачу», аналогичную союзу *и*. Здесь подтверждается способность *только* формировать многоместный союз типа *и-и-и* (эта информация уже обладает ценностью, поскольку в существующих грамматиках к группе т. называемых повторяющихся союзов и аналогов *и-и; ни-ни; либо-либо; возможно-возможно* и т. п. — *только* не относится. Для адекватного представления функционального профиля *только* (иллюстрация из М. Цветаевой не уникальна) показательно, что смысловая доминанта *только* (идея исключения, ограничения) в подобных условиях приходит в столкновение с умножением позиций, с потенциальной бесконечностью цепочки. Естественная среда для реализации этой ключевой функции — построения с единственным *только*: коммуникативная цель таких построений — сообщить об одном, точнее — единственном обстоятельстве, внести поправку к тому, о чем сообщается в предшествующем тексте.

Умножение ряда (*только-только-только*) и его открытость служит источником прагматического эффекта: бесконечность исключений аннулирует исходный смысл реляционной единицы. Цепь поправок в своей совокупности сосредотачивает в себе главную коммуникативную мысль всего построения. Убедительная сила таких построений может быть умножена и индивидуальным информативным наполнением модели (например, в приведенном выше примере можно усматривать градацию аргументов по нарастающей значимости: «Гейне — Рубинштейн — толстовское против течения собственной крови», при этом каждый аргумент — иллюстрация не исключения, а исключительности). Построения с повторяющимся *и*, «техническую задачу» которого выполняет *только*, подобного эффекта дать не могут, поскольку умножение позиций координирует с идеей чистого соединения. Эта функциональная доминанта *И* обеспечивает однозначное (всеми носителями) осмысление формулы «*и-и-и*»: Знаешь ли, почему я говорю тебе Ты и люблю тебя *и-и-и*. Потому что ты — сила. Самое редкое (М. Цветаева — Р. М. Рильке).

Итак, отдельный пункт анкеты, на базе которой разрабатывается структура словарной статьи специального словаря служебных единиц предполагает ответ на вопросы: 1) способна ли реляционная единица образовать многоместный союз; 2) является ли ее умножение нарушением синтагматической закономерности; 3) как эта способность обогащает представление о функциональном потенциале союза или его аналога.

II. Транспозиция реляционной единицы. Для информации о функциональном потенциале (Зона I) существенно следующее. Экстралингвистический референт реляционной единицы — продукт мыслительной деятельности: в его восприятии не принимает участие *сенсорная система* человека (зрение, слух, — т. е. т. наз. анализаторы)². Его отражение в сознании не связано с деятельностью первой сигнальной системы: этим фактом объясняются и принципиально иные, чем у однозначных слов правила сцепления служебных единиц друг с другом, и особые способы их конкретизации в контексте, и закономерности их семантических преобразований.

Реляционные единицы не модифицируют своих значений по принципу метафоры. Вместе с тем языковое сознание стремится сохранить образ служебного слова, его главную сему, то ядро значения, которое оптимальным образом его представляет. Чем более элементарна структура соединителя, чем ближе он к представлению о классическом союзе (*и, но, или, что, как, если* и т. п.), тем более остается он вещью в себе для лексиколога, тем труднее поддается адекватному толкованию. Для воссоздания спектра модификаций служебных единиц несомненную ценность имеют контексты, которые иллюстрируют транспозицию реляционной единицы. Несколько иллюстраций:

Но какой же здесь может быть «образ и подобие»? Между стариком-ученым и нелюбящей красавицей? Что могла А. А. от Д. И. «перенять»? Историю, дело его жизни? Нет, историю он писал сам. Идеи? Они ей, как всякой настоящей женщине, были безразличны (не были бы, ежели бы, но так как этого «*ежели*» не было . . .). И, чтобы не спрашивать праздно — она могла перенять от него только методы (М. Цветаева). И опять хочется повторить — свобода! Как можно больше свободы в совмещении кажущихся не-

совместимыми элементов! И не надо говорить: «Я принимаю Станиславского, я не принимаю Мейерхольда». Это величайшее, досаднейшее недоразумение. В последнее время оно распространилось по всей Европе . . . среди критиков, зрителей, людей нашей профессии . . . Это «или-или» — просто болезнь! Нет никакого «или-или»! Все возможно! В разных состояниях, в разных сочетаниях! (М. Чехов). Моя мать восхищалась, что он был столь точен, несмотря на то, что столь занят; столь любезен, несмотря на то, что столь избалован светским обществом; ей не приходило в голову, что «*несмотря на то что*» — это всегда неопознанные «*потому что*» и что те же самые привычки позволяли маркизу де Норпуа выполнять его многочисленные обязанности и аккуратно отвечать на письма, блистать в обществе и быть любезным с нашей семьей (точно так же, как старики удивляют бодростью для своего возраста, государи — своей простотой, а провинциалы — тем, что они в курсе всего (М. Пруст. В поисках утраченного времени; цит. дается в переводе Ю. С. Степанова).

Для выявления семантической доминанты значимость подобных контекстов тем выше, чем более элементарна структура толкуемой единицы — предельная простота не облегчает, а затрудняет анализ лексикографического материала такого рода. В тех случаях, когда служебная единица поддается разложению на элементарные смыслы, контексты-транспозиции уже не представляют ценности; ср.: У Л. Толстого есть излюбленный прием эпического повествования, который позволял одновременно вести и развертывать разные линии сюжета, сопоставлять их в неожиданном пересечении. Помните? «*В то время как* у Ростовых танцевали, с графом Безуховым случился шестой уже удар». *В то время как* . . . (А. Смелянский).

Потребность языкового сознания сохранить устойчивость приоритетной семы у союзов аналогична стремлению сделать «наглядной» главную сему у предлогов (1), наречий (2) и частиц (3): (1) Я не люблю встреч в жизни: сшибаются лбом. Две стены. Так не проникнешь. Встреча должна быть аркой: тогда встреча — *над* — Закинутые лбы! (М. Цветаева — Б. Пастернаку). На кладбище я, по его словам, «*рассеянная какая-то*» . . . гляжу либо вверх, либо вниз . . . но неизменно *от*. Отвлекаюсь (М. Цветаева).

(2) Есть очень много мудрости в словах Ницше: «Тот, кто имеет *зачем* жить, может вынести любое *как* (Психология личности. Тексты. М., МГУ, 1982). Литературные формы сменяются, одни формы уступают место другим. Но каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей. Никакого «*лучше*», никакого прогресса в литературе быть не может, хотя бы потому, что нет никакой литературной машины и нет старта, куда нужно скорее других доскакать (О. Мандельштам). Дом «Северных записок» был дивный дом: сплошной нездешний вечер. Стены книг . . . , и день и ночь стихи, особенно — «ночь». Два часа. Звонок по телефону. — К вам не поздно? — Конечно, нет! Мы как раз читаем стихи. — Это «*как раз*» было — всегда (М. Цветаева). Так подними же гордо, умно и сознательно твою красивую . . . голову и скажи всем голосам, соблазняющим тебя, в последнюю минуту с особой силой: «Прочь! Дорогу!» — и ты пройдешь победоносно до конца. Ты знаешь, между прочим, что это «*прочь*» спасло Андрея Белого от необычайных внутренних трудностей и ужасов (М. Чехов. Лит. наследие).

(3) Ко мне, на явный голод и холод, вопреки всем моим остережениям (ни дров — ни хлеба — *ни — ни —*), поступила няня исключительно из любви к сестре (М. Цветаева); *Да и нет* качаются во мне, как две чашки весов, на которые ничто не положено (Ан. Цветаева).

В подобных условиях реляционная единица выступает не в обычном категориально-морфологическом статусе — она предстает как знак ситуации, модель ситуации или опредмечивается. Информационная ценность таких контекстов для лексиколога, изучающего специфику служебной лексики, и для лексикографа, который ставит своей целью дать адекватное толкование каждой реляционной единицы, изучив разные условия ее употребления, — заключается в том, что они помогают уловить семантическую доминанту, которая служит точкой отсчета, организует лексикографический поиск, — поиск адекватной формулы толкования, т. е. работают и на III-ю зону словаря.

* * *

Реляционные единицы не нуждаются во внелингвистической информации такого рода, которая отражала бы специфику национальных и социальных реалий. В отличие от слов денотативного типа этот объект словарного описания не требует энциклопедических сведений, фиксирующих особенности обозначаемого объекта. Лексикографическая деятельность, направленная на адекватное отражение реального фонда таких единиц и их функционального профиля, помогает воссоздать концепцию мира, принцип оформления связи между фрагментами картины мира с помощью так или иначе модифицируемой конъюнкции, альтернативы, импликации, каузальности, на основе так или иначе варьируемых способов градуирования и т. п. Специальный словарь служебных единиц, который ставит целью отразить субъективно-психологические коннотации, сопровождающие акт связи между фрагментами картины мира, обогащает наши знания о культуре мышления и его закономерностях.

Выступая в роли инициатора, такой словарь, выполненный на базе одного языка, стимулирует лексикографический поиск при работе над русско-иноязычными словарями.

Примечания

¹ Эта версия излагалась в ряде работ автора: «Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений» (Москва, Наука, 1986); «Единицы реляционной семантики: прагматические аспекты толкования.» Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре. Ереван, 1987; Прагматика каузальности. — «Русистика сегодня» Москва, Наука, 1987, №1 и др. Приблизительное представление о реальном фонде таких единиц дают написанные автором разделы по синтаксису сложного предложения в академической «Русской грамматике-80» (т. II), глава «Союз» (т. I) и указатели (См.: «Союз» в Предметном указателе, т. II).

² Ср. размышления Б. Рассела над особенностями реляционного значения: «Когда вы хотите объяснить слово *лев*, вы можете повести вашего ребенка в зоопарк и сказать ему «Смотри, вот лев!». Но не существует такого зоопарка, где вы могли бы показать ему *если* или *этот* или *тем не менее*, так как эти слова не являются индикативными» (Рассел Б. Человеческое познание. Москва, 1957, с. 140).